

УЧИТЕЛЬ.

I.

Наканунѣ сочельника учитель земской школы въ Можаровкѣ, Николай Нилычъ Турбинъ, занимался очень неохотно. Классъ былъ наполовину пустъ. Турбинъ съ усиліемъ дотягивалъ занятія до половины второго. За послѣднее время во многихъ непріятностяхъ и въ утомительной работѣ онъ подкрѣплялъ себя напряженнымъ ожиданіемъ праздника и надеждой съѣздить домой. Но ѣхать оказалось не на что. Турбинъ давно уже понималъ, что никуда не поѣдетъ, но сказать себѣ это опредѣленно все оттягивалъ. Теперь больше всего хотѣлось остаться одному. «Обсудимъ, обсудимъ!» - думалъ онъ безпокойно, прикрывая глаза, и ребята думали, что онъ или сердитъ, или нездоровъ. И правда, къ концу занятій у него начало ломить въ лѣвой сторонѣ головы.

Когда же школа опустѣла, Турбинъ со злобой прихлопнулъ дверь въ передней и быстро пошелъ въ свою комнату.

- Пусть будетъ такъ! – сказалъ онъ и, хмурясь, скинулъ съ себя пиджакъ. Повѣсивъ его подъ простыню на стѣну, онъ накиннулъ на себя длинный тулупъ, крытый казинетомъ, и легъ на кровать. «Ночной зефиръ струить эфиръ...» - напѣвалъ онъ мысленно. Въ головѣ стояло одно и то же: «Пусть будетъ такъ! – чортъ его побери, не ѣхать, такъ не ѣхать... эка важность!» Тащиться къ дьячку обѣдать не хотѣлось. Лѣвая сторона головы продолжала болѣть. Онъ обмялъ плечомъ подушку поудобнѣе и старался не шевелиться.

Сквозь дремоту онъ слышалъ, какъ приходилъ сторожъ Павелъ, обивалъ отъ снѣга лапти, крякалъ съ мороза, сморкался и гремѣлъ ведрами; видѣлъ сквозь полузакрытыя вѣки, что въ комнатѣ разливается отсвѣтъ заката, и чувствовалъ, что отъ холода стынугъ ноги и кончикъ носа...

// л. 48

II.

Турбину шель двадцать четвертый годъ. Быль онъ бѣлокуръ, очень высокъ ростомъ, худъ и отъ застѣнчивости очень неловокъ. Быль онъ сынъ сельскаго дьякона, учился въ семинаріи, но курса не кончилъ: по бѣдности пришлось вернуться домой; дома онъ все выписывалъ программы, думая приготовить то въ юнкерскую, то въ межевую школу. Кончилъ, однако, экзаменомъ на сельскаго учителя и радъ былъ этому. Жить дома было тяжело. Матери онъ не помнилъ, а дьяконъ отличался болѣзненно-угрюмымъ характеромъ; лицо у него было какъ на старинныхъ иконахъ у схимниковъ, - темное, деревянное, фигура сухая, сутулая; говорилъ онъ глухимъ басомъ и все кашлялъ, заправляя за ухо длинныя косицы сѣдыхъ волосъ. Даже тонъ его былъ всегда одинъ – такой, словно онъ старался вразумить, растолковать, образумить.

Однако, проживши годъ одиноко, Турбинъ сталъ вспоминать объ отцѣ съ тоской и нѣжностью, дни и ночи мечталъ о поѣздкѣ домой. Онъ все обманывалъ себя надеждами на будущее: вотъ, молъ, дай только это время пережить, а тамъ... все пойдетъ прекрасно. Лѣто онъ пробылъ на кондиціи – изъ-за одного содержанія – у богатаго лѣсорубщика, и думалъ отправиться домой въ августѣ, хотя недѣльки на двѣ. Но нужно было справиться къ зимѣ тулупъ. Осенью онъ надѣялся на Святки. Со всѣми подробностями представлялъ онъ себѣ, какъ пріѣдетъ домой... долго будетъ сидѣть съ отцомъ въ первый вечеръ за самоваромъ, въ знакомой чистой и теплой хатѣ, задушевно будетъ говорить съ нимъ до поздней ночи... А потомъ поѣдетъ въ большое торговое село къ двоюродной сестрѣ; у сестры будутъ каждый вечеръ гости, барышни и молодые люди съ фабрики. «Надо будетъ захватить съ собою гитару», - думалъ Турбинъ.

Чтобы скопить денегъ, онъ отъ священника перешелъ обѣдать и ужинать къ дьячку. Но въ ноябрѣ отецъ написалъ ему, что онъ долженъ ѣхать въ губернской городъ лѣчиться, и просилъ денегъ. Чтобы предупредить отказъ, письмо было строго и властно. Внизу же была приписка: «А послѣднее мое слово: имѣй Бога и сознаніе, пожалѣй мою старость». И учитель отослалъ все свое сбереженіе. Осталась надежда заработать корреспонденціями. Онъ сталъ почти ежедневно посылать въ губернской городъ статейки подъ заглавіемъ: «Родные отголоски» и за подписью «Аріель». Но изъ нихъ взяли только пару замѣтокъ – о дождяхъ и о несчастномъ случаѣ на винокуренномъ заводѣ.

III.

Школа стояла одиночкой, на горѣ. Слѣва были церковь и кладбище, походившее на запущенный садъ, справа – косогорь. Дорога шла изъ полей мимо училища влѣво подъ гору. Подъ горой, ниже кладбища, жили духовные; противъ нихъ, черезъ дорогу, стояли лавка и кабакъ Грибакина. На той сторонѣ, за рѣчкой, была усадьба Линтварева съ бѣлыми хоромами и скучно-синѣющими рядами елей передъ ними. Винокуренный заводъ вѣчно дымился въ сторонѣ отъ нея, надъ рѣчкой. Подлѣ него находились неуклюжія заводскія строенія – очистныя, подвальные – и домики на манеръ желѣзнодорожныхъ – для служащихъ.

Съ завода приходили къ Грибакину гости – старый барскій поварь, всѣми уважаемый за его поѣздку въ Иерусалимъ, о которой онъ постоянно со смиреніемъ и важностью рассказывалъ, и за его близкое знакомство съ интимной жизнью господъ, конторщики, подвальные, дистилляторъ, мѣдникъ. Это былъ народъ лавочнику нужный; по вечерамъ они забавлялись у него стуколкой. Турбинъ избѣгалъ попадать на такіе вечера: его усаживали за карты, а онъ не любилъ проигрываться. Да и Грибакинъ обходился съ нимъ учтиво, но холодно. Весной онъ замѣтилъ, что у его жены, нахально-красивой молодой женщины, стали завязываться съ учителемъ какіе-то особенные разговоры, замѣтилъ и не подалъ вида, выжидая, что дальше будетъ: такой онъ былъ благообразный и вѣжливый старичокъ въ опрятной сѣрой поддевочкѣ. И правда, учитель нравился лавочницѣ. При видѣ ея молодого лица съ раздувающимися ноздрями и смѣющимися глазами подъ завитой чолкой охватывало и его волненіе. Онъ старался отдѣлываться шуточками. Она сперва покрикивала на него – «это еще что за новости?», - а потомъ начала звать гулять на кладбище и все чаще напѣвать сдержанно-страстно, прикрывая, какъ бы въ изнеможеніи, глаза:

Вотъ скоро, скоро я уѣду,
Забудь мой ростъ, мои черты!

Тогда Турбинъ сталъ пропадать по вечерамъ въ полѣ. «Пойдутъ сплетни, - думалъ онъ, - различныя непріятности... немислимо!» И лавочница стала говорить ему при встрѣчахъ дерзости.

- Ага, - думалъ Грибакинъ, - перековала язычокъ!

Въ гостяхъ на заводской сторонѣ учитель бывалъ у дистиллятора Таубкина. Таубкинъ, молодой еврей, рыжій и зо-

// л. 50

лотушный, въ золотыхъ очкахъ для близорукихъ, былъ человекъ очень радушный, и у него собиралась большая компанія. Но между нею и учителемъ отношенія тоже какъ-то не завязывались. Учитель дичился, а заводскіе всѣ были другъ съ другомъ за панибрата, - всѣ жили дружно, одними интересами, часто бывали другъ у друга, пили портвейнъ и закусывали сардинами, танцовали подъ аристонъ, а послѣ играли въ «шестьдесятъ шесть». Старшіе рабочіе на заводѣ и въ очистной, здоровые мужики въ фартукахъ, отличались во всемъ грубой рѣшительностью и собственнымъ достоинствомъ. Учитель нѣкоторыхъ изъ нихъ побаивался даже, - напримѣръ, посыльнаго на почту: говорилъ ему «вы», давалъ на водку, но посыльный все-таки поражалъ его своимъ презрительнымъ спокойствіемъ.

IV.

Осень началась солнечными днями.

По воскресеньямъ Турбинъ съ утра уходилъ въ поле, туда, гдѣ видны были на горизонтѣ станція и одинъ за другимъ уходящіе въ даль телеграфные столбы. Его тянуло туда, потому что въ ту сторону поѣздъ долженъ былъ унести его на родину.

Съ утра было свѣтло и тихо. Низкое солнце блестѣло ослѣпительно. Бѣлый, холодный туманъ затоплялъ рѣку. Бѣлый дымъ таялъ въ солнечныхъ лучахъ надъ крышами избъ и уходилъ въ бирюзовое небо. Въ барскомъ паркѣ, прохваченномъ ночью сыростью, на низахъ стояли холодныя синія тѣни и пахло прѣлымъ листомъ и яблоками; на полянахъ, въ солнечномъ блескѣ, сверкали паутины и неподвижно рдѣли свѣтло-золотые клены. Рѣзкій крикъ дроздовъ иногда нарушалъ тишину. Листья, пригрѣтые солнцемъ, слабо колеблясь, падали на темныя, сырыя дорожки. Садъ пустѣлъ и дичалъ; далеко виденъ былъ въ немъ полураскрытый, покинутый шалашъ садовника.

Не спѣша, учитель всходилъ на гору. Село лежало въ широкой котловинѣ. Ровно тянулся въ высь дымъ завода; въ ясномъ небѣ кружили и сверкали бѣлые голуби. На деревнѣ всюду рѣзко желтѣла новая солома, слышался говоръ, съ громомъ неслись черезъ мостъ порожнія телѣги... А въ открытомъ полѣ – подь солнцемъ, къ югу – все блестяло; къ сѣверу горизонтъ былъ темень и тяжелъ и рѣзко отдѣлялся грифельнымъ цвѣтомъ отъ желтой скатерти жнивья. Издалека можно было различить фигуры женщинъ, работающихъ на картофельныхъ полосахъ, медленно ѣдущаго по полю

// л. 51

мужика. Золотистыми кострами пылали въ лощинахъ лѣсочки. Кирпично краснѣли крыши помѣщичьихъ хуторовъ. Учитель напряженно смотрѣлъ на нихъ. Имъ овладѣло безпокойство одиночества, тянуло въ эту неизвѣстную ему среду, въ новую обстановку, гдѣ жизнь, какъ ему казалось, проходить свободно, легко, весело. И за думами о помѣщичьей жизни онъ совсѣмъ не видалъ простора, красоты, которая была вокругъ.

На мѣстѣ срубленнаго лѣса бѣлѣла щепка, среди обрубленныхъ сучьевъ и поблекшихъ листьевъ возвышались три длинныя, тонкія березки съ уцѣлѣвшими макушками. Ихъ очертанія такъ хорошо гармонировали съ открытыми далями. А Турбинъ, при видѣ этихъ березокъ, всегда вспоминалъ, что здѣсь онъ встрѣтилъ жену Линтварева. Съ Линтваревыми онъ познакомился и встрѣчался нѣсколько разъ на станціи. Они держали себя съ нимъ просто и даже ласково. Про Линтварева было слышно, что онъ окончилъ курсъ въ университетѣ, увлеченъ земскими дѣлами, профессиональнымъ образованіемъ. Все это, съ придачей богатства и знатности, внушило Турбину большое уваженіе къ Линтваревымъ. При встрѣчѣ съ нимъ жена Линтварева такъ ласково улыбалась ему и показалась такъ изящна и аристократична, что учитель покраснѣлъ отъ радости и тутъ же рѣшилъ непременно побывать у нихъ въ гостяхъ, завязать прочное знакомство. Онъ долго глядѣлъ вслѣдъ ея англійскому шарабану. Онъ не видѣлъ, куда идетъ, мечтая о томъ, какъ онъ будетъ сидѣть у Линтварева на балконѣ, вести интересный, живой разговоръ, пить прекрасный чай и курить дорогую сигару...

Въ концѣ сентября, въ октябрѣ дожди лили съ утра до ночи. Линтваревы уѣхали. Садъ ихъ почернѣлъ, сталъ какъ будто ниже и меньше. Деревня приняла темный, жалкій видъ. Холодный вѣтеръ затягивалъ окрестности туманной сѣткой дождя. Въ училищѣ запахло кислой печной сыростью, стало холодно, темно и неуютно.

Турбинъ вставалъ еще при огнѣ, въ ту непріязненную пору, когда, послѣ мрачной дождливой ночи, надъ грязными полями, надъ колеями дорогъ, полными водою, недовольно начиналъ дымиться блѣдный разсвѣтъ. Будилъ стукъ дверей. Ребята натаскивали на лаптяхъ въ переднюю грязи, возились, топали и кричали. Въ двери несло ледяной сыростью. Съ дрожью подходилъ учитель къ умывальнику. Потомъ спѣшно пилъ горячій жидкій чай въ при-

// л. 52

куску и тушилъ лампочку. Послѣ ея желтаго свѣта въ комнатѣ синѣлъ холодный утренній сумракъ. Въ этомъ сумракѣ учитель входилъ въ классъ и, завернувшись въ тулупъ, натягивая его на холодѣющія колѣни, садился за свой столъ. Начиналась упорная работа. Сперва онъ горячился, напрягалъ всѣ усилія говорить понятнѣе и сдержаннѣе, потомъ только смотрѣлъ, какъ сѣчетъ въ окна косою дождь и тянутся обозы къ заводу; мужики шлепали по грязи, накрывшись рогожами; отъ потныхъ, потемнѣвшихъ лошадей валилъ паръ. И все представлялъ учитель самого себя ѣдущимъ на вокзалъ въ телѣгѣ: телѣга медленно качается, хлюпаеть по дорогѣ, и заливается-стонетъ вѣтеръ, гнетъ въ полѣ одинокую голую березку...

Оживлялся онъ при говорѣ и толкотнѣ уходившихъ учениковъ.

- Здорово льетъ? – спрашивалъ онъ Павла, засовывая ноги въ старыя большія калоши.

- Кажись, перестаетъ, - каждый день отвѣчалъ на это Павелъ.

- По морю, яко по суху, - каждый день говорилъ лавочникъ, стоя подъ навѣсомъ кабака, и снисходительно смѣялся.

Турбинъ, всегда въ этотъ моментъ перебиравшійся отъ лавки на другую, менѣе грязную сторону дороги, махалъ съ отвѣтнымъ смѣхомъ рукой и вдругъ дѣлалъ со всѣхъ своихъ длинныхъ ногъ гигантскій, отчаянный шагъ. Шлепнувъ калошей въ лужу и видя, что надъ этимъ прыжкомъ покатывается со смѣху сидящая за шитьемъ подъ окномъ

лавочница, онъ, съ кривой улыбкой, неловко пробирался подъ плетнемъ дальше.

- Писемъ, Иванъ Филимоновичъ, нѣту? – кричалъ онъ издалека лавочнику. – Вы, говорятъ, на станціи были?

- Пишутъ-сь!

- То-то несуразный-то! – говорила лавочница, какъ бы съ сожалѣніемъ, качая головою и откусывая нитку.

Дьячокъ Скрябинъ былъ самый убогій человѣкъ въ селѣ. Унылый, поблекшій носъ, жидкая коса, слезящіеся глаза, - все въ немъ напоминало старуху. Тяжело было глядѣть, какъ онъ весной, въ полую воду, или осенью, подъ дождемъ, брелъ по выгону въ огромныхъ растрепанныхъ валенкахъ, внутри которыхъ была солома. На клиросѣ онъ читалъ и подпѣвалъ разбитымъ голосомъ такъ, словно онъ былъ выпивши или бредилъ. Въ избѣ у него, какъ и у большинства духовныхъ, было довольно чисто и уютно, но толклось семь человѣкъ дѣ-

// л. 53

тей. Никто не обращалъ на нихъ вниманія. И самъ Скрябинъ и жена его только и думали съ утра до ночи, что объ ѣдѣ. Скрябинъ ѣлъ походя: то лазилъ въ печку за картофелемъ, то пекъ яйца, то наливалъ черезъ полчаса послѣ обѣда чашку похлебки, то жевалъ хлѣбъ. Раза три или четыре въ день онъ возился съ самоваромъ, собиралъ щепки, раздувалъ его то губами, то старымъ голенищемъ. У жены Скрябина было привѣтливое, открытое и покорное лицо. Когда въ октябрѣ она умерла передъ концомъ беременности, Турбинъ долго не могъ безъ содроганія видѣть ея хибарки.

Чаще всего послѣ обѣда онъ бывалъ въ гостяхъ у священника, о. Ѳедора Рокотова. Священникъ выходилъ заспанный, съ свѣтлыми, слезящимися глазами и красными полосами на вискѣ отъ рубцовъ подушки. Онъ улыбался и говорилъ съ благодушнымъ снисхожденіемъ къ своей слабости:

- А я прилегу на минуту да и задремалъ, какъ сурокъ...

Вечеромъ затѣвалась игра въ преферансъ на орѣхи. Иногда Турбинъ игралъ съ поповной на двухъ гитарахъ «Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла», «Раздумье Вольтера» или на мотивъ малороссійскаго казачка «Прибѣжали въ избу дѣти»... Томной меланхоліей звучали

струны гитаръ. Священникъ остриль насчетъ худобы и роста Турбина. И Турбинъ всегда при этомъ смѣялся, прикрывая, по своей манерѣ, ротъ рукою.

VI.

Деревня тонула въ сырыхъ сумеркахъ, зажигались на заводѣ огни и тянуло дымомъ самоваровъ, а онъ скользилъ по липкой грязи, мучился медленнымъ восхожденіемъ на гору. Темь, холодъ, запахъ угарной печи и одиночество встрѣчали его въ безмолвномъ училищѣ. Но первое время это не смущало его. Первый годъ въ школѣ прошелъ какъ-то удивительно быстро. Турбинъ мечталъ. Молодымъ скрытнымъ семинаромъ онъ мечталъ о многомъ – думалъ стать миссіонеромъ, городскимъ священникомъ. Представлялъ онъ себя въ губернскомъ городѣ, о. Николаемъ, въ шелковой лиловой рясѣ, на которую падаютъ выхоленные кудри, даже почему-то въ золотыхъ очкахъ, какъ протоіерей въ Вознесенскомъ соборѣ. Мечталъ о жизни съ достаткомъ, думалъ вести хорошее знакомство, быть человѣкомъ просвѣщеннымъ, слѣдящимъ за наукой, за политикой. Эти мечты погибли. Ёдучи въ школу, онъ весь былъ переполненъ рвеніемъ поскорѣе начать работать, сразу сдѣлать свою школу образцовой, пописывать статейки по народному образованію, приняться за составленіе учебниковъ. День за днемъ тускнѣли

// л. 54

эти мечты. Въ Можаровкѣ близость завода наводила его на мысль попасть на службу по акцизу, да такъ, чтобы годиковъ черезъ пять получать тысячи три, а то и четыре, - бывали примѣры.

Но прежде всего необходимо заняться самообразованіемъ, - рѣшалъ онъ, - это прежде всего; завести знакомство, почувствовать себя человѣкомъ. Вотъ только пройдетъ эта осень! Съѣзжу домой, а вернусь – буду ходить къ Линтвареву, буду, Богъ дастъ, съ живыми, настоящими людьми общаться...

И, волнуясь, онъ расхаживалъ по своей комнатѣ. Потомъ бралъ выпрошенную еще въ семинаріи у товарища книжку журнала и принимался за статью: «Взглядъ на русское судоустройство и судопроизводство». Но статья была невеселая. Осилить нѣсколько страницъ, Турбинъ опускалъ книгу, закрывалъ глаза и опять отдавался

думаю... Иногда, поздней ночью, растроганный нежностью к отцу, Турбин писал к нему длинные письма; но на утро они казались ему витиеватыми и невыразительными и он не посылал их...

Когда обнаружилось, что ехать не на что, вечера изменились. Он стал проводить их в беспокойной тоске и бесплодных придумываниях, как устроить эту поездку. Иногда он решался даже на последнее средство – занять денег. Но тотчас же отказывался от него. «Немыслимо! Долги – гибель!» Проклинал в душе и себя, и темноту, и училище, он шагал к дьячку ужинать. Возвратясь, тотчас же завертывался в тулуп и ложился в постель. Вся тоска осенних дней охватывала его тогда. Черная ночь глядела в окна. На деревне во мраке зияли огнями заводы; огненными искрами роились его высокие трубы; когда тяжелым взмахом налетал ветер, чаще и гуще стрекал косою дождь в стекла окон и еще жалобнее завывало в печку... А на рассвете отдаленными-отдаленными, протяжными стонами доносилась переключка пугалов; медленно-медленно пробуждалась после долгой ночи жизнь. Дождь стихал; холодело; ветер гнал в холодном небе блестящие косы туч. Над деревней, над голыми полями занимался новый скучный день...

А потом пошли метели, засыпая снегом избы, слепя окна. Поблывшая деревня еще более опустела и затихла – даже собаки забивались в сени.

С утра до ночи несла над ней вьюга и стояли мутные сумерки. В белой пыли тонули и заводы и церковь. Ветер по ночам жалобно перезванивал на колокольне...

// л. 55

VII.

Часов около шести Павел с громом уронил на пол вьюшку. Чтобы загладить свою неловкость, он захряпал и чмокнул губами:

- Ну и студено же на дворе! Вызвездило – страсть!

- А ты плышывых посчитай, - раздался из темноты спокойный голос учителя.

- Ай проснулись?

- Подремал, - отвечал учитель, зѣвая.

На душѣ у него было пусто. Онѣ спустилъ длинныя ноги съ кровати и соображалъ, итти или нѣтъ къ дьячку. Ёсть хотѣлось, - надо было итти.

На селѣ было темно и тихо. Морозило; на черномъ небѣ сверкали крупныя звѣзды. Лай собачонки съ того боку деревни звонко отдавался въ чистомъ воздухѣ. Свѣжесть зимней ночи ободрила Турбина.

- Отцу Алексѣю – почтеніе! – сказалъ онѣ шутливо-громко и съ удареніемъ на «о», нагибаясь и входя въ избушку дьячка. – Съ преддверіемъ!

Дьячокъ чинилъ хомутъ, сидя на лавкѣ около коптившей лампочки. Онѣ медленно поднялъ голову и, приложивъ большой палецъ къ ноздрѣ, сильно дунулъ носомъ въ сторону. И опять посмотрѣлъ на Турбина сквозь висѣвшія на кончикѣ носа очки.

- Не на званомъ ли обѣдѣ были? – спросилъ онѣ, слабо улыбаясь и утирая носъ полою.

- На званомъ, о. Алексѣй, на званомъ.

Старшая дочка дьячка, косенькая, миловидная и тихая дѣвочка лѣтъ шести, шлепая босыми ножками по полу, собрала на столѣ. Турбинѣ молча принялся хлебать щи.

- Попробую и я съ вами... - сказалъ дьячокъ, откладывая хомутъ въ сторону, подошелъ къ лейкѣ надъ лоханью, плеснулъ водой на руки и взялся за ложку.

Косенькая дѣвочка молча стояла у печки. Дьячокъ посмотрѣлъ на нее, опустилъ голову и сказалъ:

- Еже во плоти Рождество Господа нашего Иисуса Христа... Да... воспоминаніе избавленія церкви и державы... А тамъ и отданіе праздника, и Новый годъ... Что-то я забылъ, когда восходъ солнца? Заходъ знаю, а вотъ восходъ? Вы не помните?

Турбинѣ захохоталъ, откинувшись къ стѣнѣ и закрывъ ротъ рукою.

- А на что онѣ вамъ, о. Алексѣй?

// л. 56

Дѣвочка подошла къ столу и серьезно стала убирать ложки. Турбинѣ смолкъ и поскорѣе выбрался на улицу.

- Эхе-хе-хе-хе! – говорилъ онѣ, шагая въ гору и качая головой.

На полугорѣ онѣ остановился и глубоко вздохнулъ свѣжимъ воздухомъ...

- Какой же собственно смыслъ въ тоскѣ? – подумалъ онъ. – Живуть и хуже моего!

Къ удивленію его, въ училищѣ свѣтился огонь. Не отецъ ли пріѣхалъ? Или кто-нибудь изъ забытыхъ товарищей? Но тогда у крыльца были бы лошади... «Навѣрно, Слѣпушкинъ или Кондрать Семенычъ».

VIII.

Кондрать Семенычъ былъ сынъ обѣднѣвшаго помѣщика, учился въ гимназіи, но дотянулъ только до 5-го класса. Этому, впрочемъ, помогло и то, что на охотѣ съ борзыми онъ сломалъ себѣ ногу. Отъ отца Кондрату Семенычу осталось только тридцать десятинъ земли, небольшой флигелекъ на выѣздѣ Можаровки, шитье съ дворянскаго мундира, портретъ Николая I, два бронзовые шандала и дорожный ларчикъ краснаго дерева, изъ затѣйливыхъ ящичковъ котораго пахло старинными кислыми духами. Кондрать Семенычъ сдалъ исполу мужикамъ землю, нанялъ кучера, записного охотника и пьяницу Ваську, и уже не разлучался съ нимъ.

Кондрать Семенычъ былъ широкоплечъ, небольшого роста, особенно тогда, когда осѣдалъ на лѣвый бокъ, на хромую ногу; черные волосы его кудрявились, а загорѣлое, кирпичнаго цвѣта лицо оживлялось маленькими веселыми глазками; нижняя челюсть выдавалась у него, но это придавало ему только добродушное выраженіе; концы черныхъ усиковъ на короткой верхней губѣ лихо завивались кверху.

Душа у Кондрата Семеныча была добрая, открытая. Пилъ онъ и въ кабакахъ, и въ гостяхъ, и на охотѣ, лгалъ, хвастался отчаянно и не скрывалъ этого: - «А я тебѣ, братъ, чертовски брехалъ вчера», - сплетничалъ безъ всякой предвзятой цѣли – просто подъ вліяніемъ расположенія къ другу, а друзьями у него на селѣ были почти всѣ. Колтыхая по деревенской улицѣ, онъ такъ же дружески встрѣчался и съ помѣщикомъ, какъ и ставилъ ногу на втулку колеса къ мужику, насыпая изъ его кисета цыгарку махоркой. Носилъ, какъ всѣ мелкопомѣстные, длинные сапоги, шаровары, картузь и поддевку, которая издавала какой-то особенный запахъ – запахъ по-

роха и лошади; какъ и они, любилъ хвастнуть своей рыженькой троечкой.

Турбинъ былъ у него раза два. Онъ надѣялся черезъ Кондрата Семеныча познакомиться со многими помѣщиками. Но тотъ только силился напоить его. Къ тому же и обстановка у него была не такая, какую думалъ встрѣтить Турбинъ: крыльцо передъ домомъ было разрушено; въ «лакейской» полъ былъ какъ въ свиной закутѣ – такъ онъ былъ унавоженъ жившими здѣсь и зиму и лѣто турманами, которые при входѣ людей поднимались тучей, съ шумомъ и свистомъ крыльевъ, и совсѣмъ затемняли свѣтъ, проникавшій въ лакейскую сквозь радужныя отъ времени стекла. Въ углу залы былъ насыпанъ ворохъ овса; тутъ же на соломѣ повизгивали, ползали и тыкались слѣпыми мордами гончіе щенята; большая красивая сука, спавшая возлѣ нихъ, подняла голову съ лапъ и наполнила всю залу музыкальнымъ лаемъ. Голыя стѣны кабинета были темны отъ табаку и мухъ; надъ турецкимъ диваномъ висѣли нагайки, кинжалы и желтыя шкурки лисицъ. Подъ окномъ, на письменномъ столѣ, кучей была насыпана махорка, стояла коробка колесной мази, лежала шляя; изъ-подъ стола зеленѣла четверть водки. Турбинъ чувствовалъ себя непріятно. Не нравилось ему и то, что Кондратъ Семенычъ говорилъ ему «ты» и называлъ его циркулемъ.

Слѣпушкинъ служилъ на заводѣ подкурщикомъ; лицо у него было толстое, обрюзглое и темное, какъ у заправскаго алкоголика, голосъ тяжелый, фигура медвѣдя, пиджакъ и штаны изъ верблюжьей шерсти. Пилъ Слѣпушкинъ водку, смѣшанную съ пивомъ: такой составъ назывался «ершомъ», по трудности проглотить его сразу. Въ гостяхъ у Турбина онъ засиживался до трехъ часовъ ночи и часто просилъ писать къ лавочнику записки, чтобы тотъ прислалъ «дюжинку».

- Не понимаю, - говорилъ онъ сонно, облокотясь на столъ и глядя на учителя свинцовыми глазами, - не понимаю этихъ нѣжностей: вѣдь мнѣ онъ не повѣритъ... а я надѣюсь, въ состояніи заплатить вамъ этотъ несчастный цѣлковый.

- Само собой, - говорилъ Турбинъ, расхаживая по комнатѣ, - я не сомнѣваюсь, но право же...

- Само собой, само собой! – дразнилъ Слѣпушкинъ.

- Пусть будетъ такъ... - начиналъ Турбинъ, - но главная вещь...

Тогда Слѣпушкинъ подымался.

- А ужь этого «пустъ будетъ такъ» я совсѣмъ не вы-

// л. 58

ношу! – говорилъ онъ съ искреннимъ презрѣніемъ. – Вѣроятно, мы теперь не скоро увидимся.

IX.

Съ неудовольствіемъ вспоминая все это, Турбинъ подошелъ къ училищу и заглянулъ въ окно.

Кондрать Семенычъ лежалъ на кровати. Таубкинъ, выгнувъ сутулую спину и запустивъ руки въ карманы модныхъ узкихъ брюкъ, сверкалъ очками. Слѣпушкинъ сосредоточенно игралъ на гитарѣ, опустивъ голову и покачиваясь. Ему вторилъ на гармоникѣ одинъ изъ подвальныхъ, Митька Лызловъ, бѣлобрысый и безусый. Онъ игралъ и съ блаженной усмѣшкой тянулъ фальцетомъ:

А всѣмъ барышнямъ-модисткамъ
По поклончику по низкомъ!

Но кто-то былъ еще, какой-то благообразный господинъ съ лысиной во всю голову, съ длинными черными баками. Осторожно Турбинъ пробрался къ противоположному окну, и даже руки у него похолодѣли: это былъ Прохоръ Матвѣичъ, линтваревскій лакей.

- Значить, Линтваревъ пріѣхалъ, - думалъ Турбинъ. – Но какова это будетъ штука, если я пойду къ нему, буду сидѣть въ залѣ – и вдругъ входитъ Прохоръ Матвѣевичъ?

Стукъ двери и голоса слышались на крыльцѣ. Турбинъ прижался за уголъ. По снѣгу закрипѣли шаги, Лызловъ звонко заигралъ на гармоникѣ. Турбинъ осторожно пробрался въ школу. Дверь на крыльцо осталась открытой; въ комнатѣ пахло табакомъ и свѣжестью морознаго воздуха. Турбинъ поморщился. Но вдругъ взглядъ его упалъ на столъ: конвертъ изъ плотной бумаги! Турбинъ смѣшался, покраснѣлъ, неловко рванулъ его...

«Многоуважаемый Николай Нилычъ, - стояло въ письмѣ, - простите за поздній отвѣтъ. Въ тотъ пріѣздъ, какъ получилъ ваше письмо, я не успѣлъ отвѣтить, а теперь хотѣлось бы поговорить съ вами лично по поводу вашей просьбы, почему надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ удовольствіи видѣть васъ у себя на второй день праздника вечеромъ. Преданный Вамъ Линтваревъ».

Это былъ отвѣтъ на просьбу Турбина помочь школѣ учебниками. Но теперь Турбину было не до учебниковъ; онъ ходилъ по комнатѣ и бормоталъ съ сіяющимъ лицомъ:

- Преданный! Гм... Вотъ, ей-Богу, чудакъ!..

И внутри у него все дрожало отъ радости.

// л. 59

Х.

Къ утру сочельника комната его сильно настудилась. Вода въ умывальникѣ замерзла. Стекла оконъ были съ верху до низу запушены инеемъ и зарисованы серебряными пальмовыми листьями, узорчатыми папоротниками. Турбинъ спалъ крѣпко, а проснулся съ ощущеніемъ какой-то хорошей цѣли. Онъ вскочилъ и отдернулъ примерзшую форточку. Рѣзкій скрипъ саней стоялъ надъ всѣмъ выгономъ: изъ-подъ горы тянулся длинный обозъ, весь завѣянный ночной поземкой; морды лошадей были въ кудрявомъ инеѣ. Все тонуло въ яркихъ, но удивительно нѣжныхъ и чистыхъ краскахъ сѣвернаго утра. Выгоны, лозины, избы – все казалось снѣговыми изваяніями. И на всемъ уже сіялъ огнистый блескъ восходящаго солнца. Турбинъ заглянулъ изъ форточки влѣво и увидалъ его за церковью во всемъ ослѣпительномъ великолѣпіи, въ морозномъ кольцѣ съ двумя другими, отраженными солнцами.

- Поразительно! – воскликнулъ онъ и, торопливо захлопнувъ форточку, юркнулъ подъ одѣяло.

- Уши! – сказалъ онъ громко и засмѣялся, вспомнивъ, что мужики называютъ эти отраженія солнца «ушами».

Передняя, куда онъ вышелъ умываться, вся была озарена солнцемъ. Онъ долго и особенно тщательно мылся борно-тимоловымъ мыломъ, потомъ заглянулъ въ класную: и тамъ было теперь весело отъ солнца и тишины предпраздничнаго утра. «Не шуми ты, рожь...» - затянулъ онъ во все горло... Голосъ гулко отдался въ пустой комнатѣ, и это напомнило ему его одиночество. Онъ замолкъ и пошелъ въ переднюю пить чай на окнѣ, при солнцѣ. Сообразивши, что итти къ обѣднѣ уже поздно, онъ даже обрадовался. Его тянуло обдумать, получше обдумать что-то. Но, подавляя внутреннюю торопливость, онъ убралъ чашки и самоваръ, надѣлъ новое пальто и медленно вышелъ.

Щурясь отъ ослѣпительнаго сверканья на парчѣ снѣга, отъ блестящихъ, отшлифованныхъ, какъ слоновою костью, ухабовъ дороги, глубоко дыша холоднымъ воздухомъ, онъ шелъ и все любовался деревней, синими рѣзкими тѣнями около строеній и горизонтомъ зеленоватаго неба надъ далекимъ лѣсочкомъ въ снѣжномъ полѣ: туда, къ горизонту, небо было особенно нѣжно и ясно. Иней пріятно садился на вѣки, паръ шелъ отъ дыханья, солнце пригрѣвало щеку... Хорошо бы теперь откинуться въ задокъ барскихъ саней, полузакрыть глаза и только покачиваться, слушая, какъ заливаются колокольчикъ надъ тройкой, запряженной впротыжку!

// л. 60

Мужикъ съ подводой догналъ Турбина въ полѣ. На розвальняхъ дымилась бочка, вся облитая пахучей бардой и заткнутая соломой.

- Ты съ завода, хлопецъ? – спросилъ Турбинъ.

- Съ завода.

- Баринъ-то давно пріѣхалъ?

- Мы этихъ дѣловъ не знаемъ. А вы сами-то ай дальніе?

- Изъ тридевятаго государства, - засмѣялся Турбинъ.

Мужикъ долго съ удивленіемъ оглядывался на его высокую фигуру.

А Турбинъ уже забылъ о немъ и старался начать обдумывать.

- Ну, такъ какъ же? Иду, значить? Или нѣтъ – не стѣить?

Въ душѣ онъ еще вчера рѣшилъ, что пойдетъ. «Да, такъ лучше, - говорилъ онъ себѣ, - пойду на третій день, утромъ, по дѣлу, ненадолго. Немыслимо сразу въ гости прійти... это онъ для приличія... Поговорю и уйду. А тамъ, на Новый годъ, примѣрно, ужъ и вечеркомъ можно. Обязательно такъ, вѣрно, какъ въ аптекѣ».

Незамѣтно онъ уходилъ все дальше и, говоря одно, повторялъ въ то же время другое: «Ну, такъ какъ же?..» Представивъ себѣ всѣ непріятности этого посѣщенія, онъ тотчасъ же начиналъ разубѣждать себя въ этомъ, говорилъ, что «глупо рисовать все въ дурномъ смыслѣ», что онъ не хуже другихъ... Въ концѣ концовъ эта путаница мысли испортила ему настроеніе, утомила, стала мучить. Онъ поспѣшно пошелъ обѣдать.

Вернувшись и увидя свою бѣдную комнатку вымытой и прибранной къ празднику, онъ почувствовалъ себя совсѣмъ одинокимъ и сталъ думать спокойнѣе, серьезнѣе.

ХІ.

Наступилъ праздникъ.

Турбинъ чувствовалъ себя какъ-то особенно, какъ привыкъ чувствовать себя съ дѣтства въ большіе праздники, чинно стоялъ въ церкви, чинно разговлялся у батюшки. Дома, не зная за что приняться, онъ безцѣльно походилъ по классу, заглянулъ въ окно... Въ безлюдѣ села чувствовалось: всѣ дождались чего-то, одѣлись получше и не знаютъ, чтò дѣлать. Съ утра было сѣро и вѣтрено. Послѣ полудня воздухъ прояснился, облачное небо посинѣло, блѣдно-желтымъ пятномъ обозначилось солнце, снѣгъ сталъ ярче и желтѣе, поземка струйками закурилась на гребняхъ сугробовъ, подхватываясь

// л. 61

и развѣваясь бѣлой пылью, криво понесли по вѣтру галки. Проѣзжій мужикъ повязалъ уши платкомъ, сталъ на колѣни и погналъ лошадь. Розвальни бѣжали, разрывая переносы сухого снѣга на обмерзлой дорогѣ, постукивая и раскатываясь...

Скука съ новой силой охватила Турбина.

Но вечеромъ, когда онъ пошелъ на заводскую сторону, онъ неожиданно столкнулся съ Линтваревымъ и совершенно потерялся отъ смущенія.

- Съ праздникомъ! – сказалъ онъ не то галантно, не то въ шутку, неестественно изгибаясь.

Линтваревъ былъ средняго роста, съ простымъ пріятнымъ лицомъ, съ русою бородкой и ласковыми глазами. На немъ былъ полушубокъ и валенки, на головѣ – барашковая шапка.

- Ахъ, Николай Нилычъ! – сказалъ онъ, восторженувшись, какъ будто даже заискивающе. – Здравствуйте, здравствуйте!.. Благодарю васъ... Ну, чтò, какъ вы, - не соскучились?

- Пока еще нѣтъ, - отвѣтилъ Турбинъ, краснѣя и сисясь вложить въ каждое слово не то что-то особенное, не то ироническое.

- Да, да...

Постояли, помялись.

- Ну, такъ увидимся? До завтра?

Турбинъ опять не то галантно, не то комически раскланялся.

Домой онъ шелъ очень быстро. Какъ быть, гдѣ взять крахмальную рубашку? Въ вышитой положительно невозможно!

ХІІ.

Вечеромъ онъ долго, съ великимъ трудомъ зашивалъ задникъ сапога нитками и замазывалъ ихъ чернилами.

Все утро онъ ходилъ по комнатамъ въ одномъ бѣльѣ, умывался, нѣсколько разъ принимался чистить сапоги, пачкалъ и опять мылъ руки и все думалъ о рубашкѣ.

- Ничего не придумаешь! – говорилъ онъ, останавливаясь среди комнаты. – Послать къ Слѣпушкину? Немыслимо! Начнутъ судить, рядить... дойдетъ до Линтварева... Гадость!

Но нѣчто подобное случилось.

Около полудня къ крыльцу школы подлетѣла тройка Кондрата Семеныча. Съ мороза его лицо было особенно свѣжо и темно-красно. Подбородокъ былъ выбритъ, усы чернѣли ярко и лихо. На немъ была сюртучная пара; въ передней онъ сбросилъ енотовую шубу. Коренастый, приземистый, - объ дорогу не расшибешь, что называется, - бойко прихрамывая, онъ быстро вошелъ къ Турбину, крѣпко по-

// л. 62

цѣловался съ нимъ, причемъ на Турбина пахло морозной свѣжестью и запахомъ закуски, и тотчасъ принялъ живѣйшее участіе въ заботахъ о его нарядѣ.

- Валяй, братъ, валяй смѣлѣй!

Турбинъ, хотя и относился къ Кондрату Семенычу, какъ къ человѣку пустому, однако зналъ, что Кондратъ Семенычъ «бывалъ въ обществѣ» и можетъ подать совѣтъ.

- Какъ валять-то? – говорилъ онъ, сдерживая улыбку. – Тутъ такая неприятная исторія! Рубашки крахмальной нѣтъ!

Кондратъ Семенычъ качнулъ головой.

- Это, братъ, скверно. Въ вышитой явится въ первый разъ въ домъ – нахальство!

- Ну, такъ какъ же? – говорилъ Турбинъ растерянно.

- Ни черта, - сказалъ Кондратъ Семенычъ. – Не робѣй!

И, отворивъ форточку, онъ своимъ хриплымъ охотничьимъ голосомъ гаркнулъ:

- Васька! Домой валяй! Духомъ доставь рубашку крахмальную... въ сундукъ, подъ лѣтней поддевкой...

Пока Василий ѳздилъ за рубашкой, Кондрать Семенычъ разсказалъ, гдѣ онъ успѣлъ уже побывать, и съ улыбкой сатира, отъ которой заблестѣли его маленькіе каріе глаза, вытащилъ изъ рукава шубы бутылку водки.

- Хвати для храбрости! Хочешь? – говорилъ онъ, обивая сургучъ съ горлышка.

- Ну ужъ нѣтъ!

- Чтò, думаешь, пахнуть будетъ? Ни капельки. Только чаемъ зажуй. А впрочемъ, чортъ съ тобой. Нѣтъ ли чашечки?

Выпивъ и закусивъ кренделемъ, Кондрать Семенычъ заговорилъ серьезно:

- Ты, братъ, себя поразвязнѣй держи, посвободнѣе. А то вѣдь будешь сидѣть, какъ кнутъ проглотилъ.

- А какъ брюки – ничего? – спрашивалъ Турбинъ.

Кондрать Семенычъ оглядѣлъ ихъ съ полной добросовѣстностью и подумалъ.

- Сойдетъ! – сказалъ онъ рѣшительно, - за милую душу сойдетъ. Только вотъ смяты немного. Снимай, давай разгладимъ.

- Нѣтъ, нѣтъ, пустяки, - пробормоталъ Турбинъ, густо краснѣя.

- Ну, какъ знаешь.

Кондрать Семенычъ легъ на постель и вполголоса запѣлъ:

Вода – для рыбы, раковъ,
А мы, герои, водку пьемъ!

// л. 63

Въ это время Васька внесъ рубашку. Но едва Турбинъ надѣлъ ее, Кондрать Семенычъ такъ и покатился со смѣху.

- Нѣтъ... Не срамись! – хрипѣлъ онъ, задирая ее на голову Турбину, - не годится!

Правда, рубашка не годилась. Накрахмалена она была отвратительно – вся была грязно-синяя, воротъ ея былъ непомѣрно широкъ.

- Декольтэ! – повторялъ Кондрать Семенычъ сквозь смѣхъ.

Турбинъ снова покраснѣлъ и даже запотѣлъ отъ злости.

- Я вамъ не шутъ гороховый! – крикнулъ онъ бѣшено.

- Да за что жь серчаешь-то? – заговорилъ Кондрать Семенычъ растерянно. – Самъ тонокъ, какъ шесть, хоть грачей доставать, а на меня серчаетъ... Ну, хочешь, достану?

- Не понимаю – гдѣ? – глядя въ сторону, пробормоталъ Турбинъ.

- Да ужъ это мое дѣло. Ну, хочешь?

И, не дожидаясь отвѣта, хлопнулъ дверью, накинулъ на себя шубу и выскочилъ на крыльцо. Рыженькая троечка подхватила подъ гору. Турбинъ бросился къ дверямъ:

- Кондрать Семенычъ! Кондрать Семенычъ!

Но Кондрать Семенычъ только рукой махнулъ.

- Это Богъ знаетъ что такое! – сказалъ Турбинъ, чуть не плача. – Это значить, всему заводу будетъ извѣстно!..

Однако, когда Кондрать Семенычъ черезъ десять минутъ явился обратно и привезъ съ собой Таубкина и его крахмальную рубашку, когда Таубкинъ самымъ задушевнымъ тономъ сталъ просить «не беспокоиться» и когда рубашка оказалась какъ разъ впору, Турбинъ, весь красный отъ волненія, началъ улыбаться.

- Что вы беспокоитесь? – говорилъ Таубкинъ фальцетомъ. – Что такое? Развѣ я не понимаю? Конечно, это останется между нами. Хотите мои часы?

Турбинъ отказывался. Кондрать Семенычъ преувеличенно расхваливалъ его костюмъ.

Наконецъ Турбинъ былъ готовъ. Онъ повеселѣлъ, хотя и чувствовалъ себя наряженнымъ и точно связаннымъ. Онъ садился то на одинъ, то на другой стулъ.

- Вы къ нему по дѣлу? – вдругъ спросилъ Таубкинъ, какъ будто вскользь.

- Да, то-есть такъ... по дѣлу отчасти.

- Такъ вамъ, пожалуй, пора.

Турбинъ уже давно думалъ про это. «Пожалуй, что и правда пора, - соображалъ онъ, - что же, къ шапочному

// л. 64

разбору-то прійти? Только хозяевъ въ неловкое положеніе поставишь...»

- А который часъ?

- Четверть восьмого.

- Вали, братъ, вали, - сказалъ Кондрать Семенычъ.

- Пожалуй, - согласился Турбинъ, медленно подымаясь.

Напѣвая, Кондрать Семенычъ накинулъ на себя шубу, осмотрѣлъ пальто Турбина.

- Молодецъ! – сказалъ онъ, смѣясь глазами. – Хочешь, подвезу?

Турбинъ заторопился отказаться.

- Ну, чертъ съ тобой! Ёдемъ.

Онъ сунулся лицомъ къ лицу Турбина для поцѣлуя, ввалился въ сани рядомъ съ Таубкинымъ и крикнулъ:

- Обрати посерьезнѣе вниманіе на Линтвариху. Хороша, анаѰема!

ХІІІ.

Уже подходя къ аллеѣ передъ линтваревскимъ домомъ, Турбинъ вдругъ оробѣлъ, оглянулся и поспѣшно зашагалъ опять подъ гору. «Рано, рано, невысмыслимо такъ рано!..»

Волнуясь, онъ дошелъ до моста и опять оглянулся. Вотъ будетъ скверно, если видѣли, что онъ приходилъ! Но никого не было кругомъ. Только на деревнѣ горланили на «улицѣ» дѣвки. Изъ дома черезъ аллею загадочно свѣтились окна. Чтò тамъ, въ домѣ? Начался вечеръ или нѣтъ? И кто тамъ, и чтò дѣлаютъ? А обстановка? «Небось, люстры, паркетъ, бархатъ, фамилные портреты»... «Вотъ отсчитаю сто... нѣтъ, двѣсти, и тогда пойду».

Вдругъ на мосту послышался скрипъ шаговъ. Турбинъ быстро повернулся и, не оглядываясь, почти побѣжалъ по аллеѣ. Не думая, онъ быстро растворилъ дверь, шагнулъ черезъ три ступеньки въ сѣняхъ и сталъ шарить по притолкѣ звонка. Въ дверяхъ щелкнулъ замокъ, и нарядная горничная появилась на порогѣ.

- Павелъ Андреевичъ дома?

- Пожалуйте-сь.

Горничная помогла ему снять пальто. Какъ въ туманѣ, увидалъ онъ большую свѣтлую залу, открытый блестящій рояль, тонкіе стулья, тропическія растенія... Поразили его только ширмочки около нихъ изъ матоваго стекла; все остальное показалось ему черезчуръ просто. Цапаясь когтями по паркету, изъ столовой выбѣжала щеголевато-тонкая черная собачка, а за нею быстро вышелъ Линтваревъ.

- Имѣю честь поздравить! – сказалъ Турбинъ и въ смущеніи вынулъ носовой платокъ.

Предупредительно-ласково Линтваревъ пожалъ ему руку.

- Милости просимъ, милости просимъ!

И, пропуская Турбина впередъ, повелъ его въ столовую.

- А, Николай Нилычъ! – сказала Надежда Константиновна такъ, словно давно ждала его.

Турбинъ расшаркался, оглянулся.

- Николай Нилычъ¹ Турбинъ... Г-нъ Турбинъ... - поспѣшно говорилъ хозяинъ.

Молодой, свѣжій, красивый флотскій офицеръ всталъ быстро и поклонился съ преувеличенной вѣжливостью. Невысокій, худощаво-широкоплечій, съ обвѣтреннымъ, инородческаго типа лицомъ докторъ пожалъ ему руку просто и безъ улыбки. Пожилой, солидный господинъ, не вставая, сдержанно-вѣжливо наклонилъ голову.

- Присаживайтесь-ка! – сказала хозяйка опять такъ, словно хотѣла сказать: «Ну, наконецъ-то, вотъ теперь все пойдетъ прекрасно».

Турбинъ сѣлъ, вытеръ платкомъ лобъ, все еще глядя словно черезъ воду. То, что одинъ изъ гостей не подалъ ему руки, заставило его ощутить почти физическую боль въ сердцѣ.

- Николай Нилычъ, вамъ сколько кусковъ сахару? – обратилась къ нему хозяйка съ улыбкой.

Турбинъ встрепенулся.

- Я бы попросилъ безъ сахару, - сказалъ онъ.

И онъ взялъ стаканъ, замирая отъ страха повалить его на скатерть или прикоснуться руками къ рукамъ Надежды Константиновны. Такъ какъ общій разговоръ на минуту прервался, то она продолжала:

- Ну что, какъ ваша школа?

- Ничего, прекрасно, - отвѣтилъ Турбинъ, и его голосъ ему показался чужимъ и слишкомъ громкимъ.

- А въ Можаровкѣ вы на всѣ Святки остались? – заботливо прибавилъ хозяинъ.

- Да, ужъ нынѣшній годъ, думаю... рѣшилъ такъ, что не ѣздить лучше.

- Да?

¹ В тексте ошибочно: Иванычъ

Линтваревъ наклонилъ голову, словно пріятно изумился. Затѣмъ торопливо, съ виноватой улыбкой – по необходимости, молъ – обернулся къ сосѣду.

Стараясь держаться свободнѣе, Турбинъ сталъ осматриваться.

// л. 66

XIV.

Тотъ, что не подалъ руки Турбину, Беклемишевъ, былъ богатый помѣщикъ и видный человѣкъ въ земствѣ. Онъ былъ плотень, родовитъ, съ матовымъ цвѣтомъ моложаваго лица, сѣдъ. Держался съ удивительнымъ хладнокровіемъ. И Турбинъ старался не глядѣть на него.

Земскій докторъ держался строго, но просто, и его черемисское лицо и взгляды сквозь очки между быстрыми глотками чая не пугали. Родственницы хозяйки, княжны Трипольскія, часто вставляли свои замѣчанія въ рассказъ Беклемишева о его поѣздкѣ къ Ермолову лѣнивымъ тономъ, гримасничая, когда улыбались. Ихъ Турбинъ уже видѣлъ нѣсколько разъ осенью, когда онѣ амазонками проѣзжали по селу кататься. И у священника и у лавочника велись тогда безконечные разговоры о нихъ. Отъ стараго повара всѣ знали, что княжны очень богаты, живутъ то въ Петербургѣ, то въ своемъ имѣніи, то гостятъ у Линтварева, а больше всего – за границей.

- Что жъ имъ? Катайся въ свое удовольствіе да и только! – говорилъ лавочникъ съ умиленіемъ.

Когда о Турбинѣ забыли, онъ успокоился и только чувствовалъ себя какъ-то странно-хорошо въ этой новой обстановкѣ, среди легко развивающагося разговора, сидя около хозяйки, похожей на англійскую лэди: такихъ изящныхъ чертъ лица, такой чистоты и нѣжности кожи онъ еще никогда не видывалъ. А когда онъ вставалъ, такъ было легко и пріятно отодвигать тонкій красивый стулъ, ходить по паркету въ этой просторной столовой, ярко озаренной большой лампой надъ столомъ, видѣть блескъ серебрянаго самовара и посуды изъ тончайшаго стекла. Было, правда, одно очень непріятное обстоятельство: во время рассказа Беклемишева, Турбинъ, не зная, что дѣлать, наклонился и поймалъ собачку; но та, какъ стальная, выскочила изъ рукъ и при этомъ такъ пронзительно взвизгнула, что

хозяйка схватилась за високъ и всѣ встrepенулись, обратили на него глаза, и Турбинъ готовъ былъ провалиться сквозь землю отъ смущенія. Но сама же хозяйка и сумѣла замять эту исторію: такъ непринужденно, словно ничего и не было, обратилась къ нему: «Николай Нилычъ, вы позволите еще чаю?» - что онъ ободрился и смогъ очень ловко отвѣтить: «Нѣтъ, mercі... достаточно уже».

Онъ выпилъ два стакана, наслаждаясь ароматомъ рома, который съ тихой лаской подливалъ ему въ чай хозяйинъ, и

// л. 67

отъ рому оживился, почувствовалъ смѣлость и вѣрную упругость въ ногахъ. Онъ даже не смутился, когда пріѣхало еще нѣсколько человѣкъ гостей: красивая, полная вдова-помѣщица, завитая, съ горящими отъ мороза ушками, старикъ-помѣщикъ, который немножко рисовался простотой, но котораго всѣ любили за эту простоту и тотчасъ окружили съ веселыми улыбками, еврей-инженеръ, сухой, черненькій, подвижной, въ родѣ той собачки, которую поймалъ Турбинъ, и наконецъ членъ суда, такой чистый, какъ всѣ судейскіе, свободный и веселый острякъ, дѣлавшій умные насмѣшливые глаза.

Говорили о театрѣ. Трипольскіе съ восторгомъ рассказывали объ игрѣ Заньковецкой въ Петербургѣ, бранили Мазини, хвалили Фигнера... рассказывали про своихъ знакомыхъ, про Толстого, про поэта Надсона. Какъ будто желая описать, какой онъ милый и больной человѣкъ, княжны рассказывали, что онъ у нихъ былъ въ гостяхъ, а потомъ онѣ его навѣстили въ Ниццѣ. Членъ суда декламировалъ пародіи Буренина на надсоновскіе стихи. Потомъ разговоръ разбился – въ одномъ мѣстѣ слышались имена земцевъ, въ другомъ все еще Мазини и Фигнера. Учитель, изгибаясь и покачиваясь, подходилъ то къ одной, то къ другой группѣ и все время былъ въ напряженномъ состояніи отъ желанія хоть что-нибудь сказать. Но все разговоръ шель о неизвѣстномъ, и онъ молчалъ или смѣялся сдержанно и неискренно, когда смѣялись другіе.

- А вы все о своемъ профессиональномъ образованіи? – сказалъ онъ наконецъ, подходя къ Линтвареву и Беклемишеву.

Беклемишевъ тихо поднялъ на него глаза.

- Нѣтъ, почему же... - сказалъ Линтваревъ, улыбаясь.

Турбинъ, тоже улыбаясь, поднялся на носки, отчего сталъ еще выше, опустился и продолжалъ:

- Вы хотите, какъ я слышалъ, такъ серьезно имъ заняться?

Отъ неловкости Турбинъ подчеркивалъ слова, и ихъ можно было принять за насмѣшку. Особенно нехорошо ему было отъ пристального и спокойнаго взгляда Беклемишева. Но все-таки онъ присѣлъ къ столу, предварительно посмотрѣвъ на стулъ и раздвинувъ полы сюртука, разставилъ острыми углами свои тонкія ноги и, поставивъ локоть на колѣно, сталъ пощипывать кончики своихъ жидкихъ бѣлесыхъ усовъ.

- Меня, по правдѣ сказать, очень интересуеть этотъ вопросъ, - сказалъ онъ, помолчавъ, какъ-то внезапно. – Я, конечно, говорю искренно...

// л. 68

- Съ какой же именно стороны васъ интересуеть? – спросилъ Беклемишевъ.

- То-есть какъ съ какой стороны? Вообще... въ примѣненіи его въ жизни.

Беклемишевъ, поставивъ руки на столъ и, соединяя ладони, смотрѣлъ, ровно ли приходятся пальцы одинъ къ другому. Линтваревъ старательно набивалъ машинкой папиросы.

- Я читалъ, - продолжалъ Турбинъ уже съ усиліемъ: - недавно въ одной газеткѣ про книжицу какого-то Весселя о профессиональномъ образованіи... Меня собственно удивило, что къ его мыслямъ, очевидно, многіе относятся враждебно: на примѣръ, директоръ ремесленнаго училища Цесаревича Николая... Мнѣ кажется, что тутъ есть несправедливость... Онъ говоритъ, на примѣръ, что школа, собственно, несовмѣстима съ мастерской...

- То-есть это, - мягко перебилъ Линтваревъ, - Песталоцци мнѣніе, а Вессель, хотя и...

- Ну да, и Песталоцци, - перебилъ въ свою очередь Турбинъ, и въ немъ уже загорѣлось желаніе спора. – Только, по моему мнѣнію, это и понятно... Когда мнѣ, позвольте спросить, обучать своего какого-либо мальчика мастерить разныя бездѣлушки, когда онъ самъ, въ своемъ быту, такъ сказать...

- Зачѣмъ же непременно бездѣлушки?

Турбинъ ласково улыбнулся.

- Мнѣ, собственно, это все представляется какъ бы игрушками... Мнѣ трудно это объяснить, но всѣ эти затѣи... Говорятъ, подспорье хозяйству... но вѣдь смѣшно подпирать то, что разваливается окончательно... да и не соотвѣтствуетъ все это духу нашего народа, истаго земледѣльца... А учить его, на примѣръ, дѣлать плетушки...

- Ну да, ученаго учить только портить, - насмѣшливо сказалъ Беклемишевъ.

Турбинъ хотѣлъ продолжать, сказать, что онъ думаетъ, болѣе ясно и связно. Но Беклемишевъ, какъ бы забывъ о его присутствіи, тихо и спокойно промолвилъ Линтвареву:

- Да, такъ я думаю, что это еще гадательно: князь слишкомъ глупъ для этого, а Гарницкій – юнъ.

Линтваревъ виновато посмотрѣлъ на Турбина. Турбинъ смолкъ. Теперь ему хотѣлось одного – поскорѣе уйти изъ столовой. Но встать сразу было неловко.

- А я все хотѣлъ попросить у васъ какой-либо книжицы изъ вашей бібліотеки, - сказалъ онъ наконецъ, подымаясь.

- Съ величайшимъ удовольствіемъ, - поспѣшилъ отвѣтить Линтваревъ.

// л. 69

Турбинъ всталъ и медленно прошелся по столовой. Онъ долго стоялъ передъ каминомъ, разсматривалъ большой портретъ Толстого, писанный масляными красками. Но ему уже было не по себѣ. Музыка въ залѣ ударила ему по сердцу какъ-то болѣзненно. И, подъ предлогомъ, что онъ идетъ слушать, онъ вышелъ въ залу.

XV.

Игралъ членъ суда.

- Что это? – спросилъ сидѣвшій около него старикъ-помѣщикъ, обращаясь къ хозяйкѣ.

- Соната Грига. Вы не знаете?

- Десять лѣтъ не игралъ, - сказалъ помѣщикъ со вздохомъ, - а хорошо!

- Чудно! – подтвердила хозяйка.

Музыка Грига рѣшительно не нравилась Турбину. Звуки лились вычурно, быстро и не трогали его сердца. Онъ чувствовалъ, что она

такъ же чужда ему, какъ все общество, окружавшее его. Въ началѣ вечера онъ все ждалъ, что будетъ что-то хорошее. Теперь это чувство ослабѣло. Онъ думалъ, что надо итти домой, что никому онъ не нуженъ. Никто даже не поинтересовался имъ, не поговорилъ, чтобы узнать, чтò онъ за человѣкъ. Даже хозяинъ только предупредительно, безпокойно вѣжливо съ нимъ...

Музыка смолкла. «Посижу еще, послушаю немного и уйду», рѣшилъ Турбинъ. Но поднялся разговоръ о Григѣ. Старикъ-помѣщикъ добродушно-насмѣшливо покачивалъ головой. «Хорошо, а не забираючиваетъ», - говорилъ онъ. Членъ суда горячился, доказывая, что «Григъ великолѣпенъ».

И, покачивая головою, тихо началъ «Бѣлыя ночи» Чайковскаго:

Какая ночь! На всемъ какая нѣга!

Турбинъ не зналъ ни этихъ словъ ни Чайковскаго; но при первыхъ же чистыхъ звукахъ мелодіи у него дрогнуло сердце; что-то нѣжно-призывающее было въ нихъ; а когда эти зовущіе звуки опредѣлились въ томительно-грустные, Турбину захотѣлось заплакать.

Но рояль стихъ. Турбинъ всталъ: ему хотѣлось еще музыки, но онъ не зналъ, чтò назвать. Онъ подумалъ о «Молитвѣ дѣвы»... но это было какъ-то неловко сказать.

- Будьте добры, сыграйте еще что-нибудь, - обратился онъ къ члену суда.

- Чтò же? – спросилъ тотъ, перебирая ноты.

// л. 70

- Что-нибудь Бетховена.

Членъ суда посмотрѣлъ на него внимательно.

- Сонату? – спросилъ онъ.

Турбинъ въ смущеніи качнулъ станомъ.

- Да, сонату...

- Какую же?

- Все равно... - пробормоталъ Турбинъ, чувствуя, что надъ нимъ смѣются.

- Неужели все равно?

Но тутъ позвали къ столу. Турбинъ настроилъ себя чинно и шелъ медленнѣе всѣхъ.

Хозяинъ особенно хвалилъ и предлагалъ селедку. Членъ суда, съ видомъ знатока, попробовалъ ее и нашелъ «гениальной».

- Николай Нилычъ! Водки? – сказалъ хозяинъ.
- Можно! – отвѣтилъ Турбинъ.
- Хинной или простой?
- Хинной, такъ хинной.
- Такъ будьте добры – распоряжайтесь сами.
- Не беспокойтесь, не беспокойтесь, пожалуйста!

Около стола тѣснились, оживленно переговаривались. Съ тарелкою въ рукахъ Турбинъ долго стоялъ въ концѣ всѣхъ. Онъ не объдалъ и съ особеннымъ удовольствіемъ выпилъ рюмку водки, погонялся вилкой за ускользящимъ грибоккомъ и ограничился на первое время пирогомъ. Послѣ первой же рюмки онъ почувствовалъ легкой хмель, очень захотѣлъ ѣсть и долго, поглядывая искоса и стараясь не торопиться, ѣлъ однихъ омаровъ. Членъ суда уже дружески предлагалъ ему выпить съ нимъ, и Турбинъ выпилъ еще рюмку простой водки. И водка и дружескій тонъ члена суда совсѣмъ размягчили его.

Первыя минуты опьянѣнія онъ чувствовалъ себя такъ же, какъ въ самомъ началѣ вечера: какъ сквозь воду видѣлъ блескъ огней и посуды, лица гостей, слышалъ говоръ и смѣхъ, чувствовалъ, что теряетъ способность управлять своими словами и движеніями, хотя сознавалъ еще все ясно. Раскраснѣвшееся, потное лицо затягивало паутиной; въ головѣ слегка шумѣло. Но все-таки онъ старался оглядываться смѣло и весело своими томными глазами. Ему было жарко. Когда же Линтваревъ (Турбину казалось, что и Линтваревъ запьянѣлъ) взялъ его подъ руку и повелъ къ столу ужинать, онъ почувствовалъ себя очень большимъ и неловкимъ.

- Не выпьемъ ли еще по единой? – сказалъ членъ суда.
- Блаженный Теодоритъ велитъ повторить, - отвѣчалъ Турбинъ со смѣхомъ.

// л. 71

- Repetitio est mater studiorum. Не такъ ли? – промолвилъ съ другого конца стола флотскій офицеръ, явно поддѣлываясь подъ семинарскую рѣчь.

Турбинъ понялъ это и вызывающе поглядѣлъ на офицера. – «Ну, и чортъ съ тобой!» - подумалъ онъ и, усмѣхаясь, крикнулъ:

- Optime!

Членъ суда поспѣшилъ налить. Хозяйка какъ будто вскользь, но значительно поглядѣла на него. И это Турбинъ замѣтилъ, но никакъ не могъ обидѣться: такъ просто и тепло стало у него на душѣ.

- Да и послѣдняя! – сказалъ онъ, выпивая и махая рукой. – Я и такъ мокрый, какъ мышь.

Удерживаясь отъ смѣха, младшая княжна зажала ротъ платкомъ.

Ужинъ, какъ показалось, прошелъ чрезвычайно быстро. Турбинъ запомнилъ только, что ѣлъ горячій ростбивъ, что сои огнемъ охватили ему ротъ, что онъ пилъ мадеру, лафитъ и плохо соображалъ, о чемъ идетъ говоръ.

Когда подали шампанское (былъ день рожденія хозяйки), Турбинъ быстро всталъ и оглушительно крикнулъ «ура!». Но за оживленіемъ на это не обратили особеннаго вниманія. Всѣ столпились въ кучу, поздравляя хозяйку и самого Линтварева. Линтваревъ, съ бокаломъ въ одной рукѣ, прижималъ другую къ сердцу и старался казаться и тронутымъ и шутливымъ.

- Ура! – крикнулъ еще разъ Турбинъ, но уже потише и улыбнулся слабой, жалкой улыбкой.

- Не стѣдить! – шепнулъ докторъ, сжимая ему локоть.

- Ну, не надо...

И, улыбаясь, Турбинъ медленно пошелъ въ залу. Теперь онъ уже освоился съ тѣмъ, что не можетъ управлять собою.

XVI.

Въ залѣ Прохоръ Матвѣичъ разносилъ чай, снова предложенный хозяиномъ. «Люблю, грѣшный человѣкъ! – говорилъ онъ. – Господа, кто желаетъ китайскаго зелья?» Всѣ приняли это предложеніе съ шумными одобреніями, какъ на земскихъ собраніяхъ: «Просимъ, просимъ!..»

- Отклонить! – крикнулъ старикъ-помѣщикъ, Сергѣй Львовичъ, среди общаго смѣха.

- Сергѣй Львовичъ, сыграть просимъ! – крикнулъ хозяинъ.

- Благодарю, господа, я чувствую себя слишкомъ уто-

мленнымъ, - отнѣкивался Сергѣй Львовичъ, продолжая пародировать гласныхъ. Но тутъ поднялся такой шумъ и крикъ, что отказываться стало невозможно.

- Просимъ! – крикнулъ Турбинъ уже послѣ всѣхъ.

- Давненько я не бралъ въ руки шашекъ, - говорилъ Сергѣй Львовичъ, кряхтя и усаживаясь за рояль.

- Сергѣй Львовичъ! Вебера! – крикнулъ членъ суда.

Сергѣй Львовичъ поднялъ брови и подумалъ.

- Нѣтъ, - сказалъ онъ съ улыбкой, - попробуемъ блеснуть техникой.

Ну-ка...

- Тарантелла... - шепнулъ флотскій офицеръ. – Николая Рубинштейна.

Членъ суда утвердительно кивнулъ головой.

Изъ медленныхъ, въ которыхъ сказывалась хитрая, сдержанная удалъ, звуки быстро превратились въ шумные, быстрые и затрепетали въ какомъ-то дикомъ восторгѣ. Возгласы одобренія поминутно заглушали ихъ. Казалось, что, если бы танецъ не кончился, можно было бы задохнуться отъ напряженія... Турбинъ хохоталъ нервнымъ смѣхомъ.

- Вотъ это такъ такъ, - бормоталъ онъ въ восторгѣ.

- А теперь, - крикнулъ Линтваревъ, - гроссъ-фатеръ!

Подъ церемонные звуки старинной музыки дамы во главѣ съ хозяиномъ и членомъ суда начали комически двигаться, раскланиваться, но спутались, перемѣшались и со смѣхомъ остановились.

- Ну, лянсье! – взывалъ хозяинъ.

- Не выйдеть!

- Выйдетъ!

Турбинъ тоже порывался танцевать и быстро оглядывался кругомъ.

- Сергѣй Львовичъ! – вдругъ завопилъ онъ, - пожалуйста!.. ту, веселую...

- Тарантеллу?

- Да, да!

Сергѣй Львовичъ, мелькомъ взглянулъ на него и ударилъ по клавишамъ. И не успѣли опомниться гости и хозяинъ, какъ произошло нѣчто дикое: не слушая музыки, безъ всякаго такта, Турбинъ вдругъ зашаркалъ ногами, потомъ все быстрѣе, быстрѣе

пошелъ мелкой дробью и вдругъ стукнулъ въ паркетъ, подпрыгнулъ и пустилъ руки между ногами, словно разрубилъ что-то со всего размаха.

- Bravo! – крикнулъ кто-то насмѣшливо – Бисъ!

И подъ разрастающіеся звуки Турбинъ охотно побѣжалъ назадъ, заплетая и размахивая ногами какъ веслами, хотѣлъ

// л. 73

еще разъ стукнулъ въ полъ – и вдругъ замеръ: въ двухъ шагахъ отъ него стоялъ отецъ Линтварева! Шаркая и подаваясь впередъ, онъ поторопился изъ маленькой гостиной, гдѣ игралъ въ карты, на шумъ въ залъ. Увидавъ пляску, онъ съ изумленіемъ поднялъ свою сѣдую большую голову и, приложивъ къ переносицѣ пенснэ, глядѣлъ прямо въ лицо Турбину остановившимися глазами.

Турбинъ качнулся въ сторону и съ жалкой улыбкой махнулъ рукой. Докторъ быстро подошелъ къ нему.

- Поѣдемте, батенька, домой, - сказалъ онъ ему строго.

- Нѣтъ, чего же? – отвѣтилъ Турбинъ. – Я еще не хочу.

Лицо его было блѣдно, холодный потъ крупными каплями покрывалъ лобъ.

- Нельзя, нельзя, - повторилъ докторъ еще строже и, взявъ его подъ руку, повелъ въ переднюю.

Турбинъ, приплясывая, покорно пошелъ...

XVII.

Спалъ или не спалъ онъ, добравшись домой? До головокруженія живы и безпокойны были сновидѣнія. Казалось, что онъ все еще въ гостяхъ: люди двигались, перетасовывались, проходили передъ нимъ какъ въ пантомимѣ, и онъ самъ во всемъ участвовалъ и чувствовалъ, что все выходитъ хорошо и ловко, хотя и безпокоитъ что-то, спутываетъ все. Турбинъ старался вспомнить, что же это мѣшаетъ, и никакъ не могъ, и мучился, осаждаемый сновидѣніями. Истомленный до послѣдней степени, онъ наконецъ открылъ глаза. Дневной свѣтъ сразу отрезвилъ его, - и стыдъ, жгучій стыдъ до слезъ, до физической боли пронзилъ его душу. Онъ стиснулъ зубы крѣпко прижалъ голову къ подушкѣ.

Вдругъ онъ вскочилъ. Онъ рѣшился переломить себя, задавить всѣ эти воспоминанія. Онъ поспѣшно одѣвался, убиралъ комнату. Въ ногахъ была слабость, но голова не болѣла. Онъ старался дѣлать все какъ можно правильнѣе и серьезнѣе. И въ то же время безпокойно выискивалъ оправданія себѣ...

Отворилась дверь.

- Самоваръ-то ставить, что ль? – спросилъ Павелъ.

- А почему же не ставить? – хрипло крикнулъ Турбинъ.

- Да то-то, молъ, надо ли?

Турбинъ отвернулся и еще крѣпче стиснулъ зубы. Павелъ помолчалъ, потомъ вдругъ лукаво заглянулъ Турбину въ глаза и, съ просіявшимъ лицомъ, быстрымъ шопотомъ спросилъ:

- Ай слетать къ Ивану Филимонычу?

// л. 74

- Это зачѣмъ?

- За похмелочкой? А?

- Убирайся ты отъ меня къ шуту со своими бессмысленными глупостями! – закричалъ Турбинъ, багровѣя отъ злобы.

Послѣ чая онъ лежалъ на кровати и съ глухой яростью придумывалъ самыя оскорбительныя фразы, которыя, вѣроятно, посыпались по его адресу, какъ только онъ вышелъ, въ домъ Линтварева. А на селѣ! Съ какими глазами показаться теперь на село?

Однако онъ заставилъ себя одѣться и пошелъ къ дѣячку обѣдать. «Знаютъ или нѣтъ?» - думалъ онъ, боязливо глядя на заводскую сторону.

Около лавки онъ постарался итти какъ можно медленнѣе.

- Съ праздникомъ, Иванъ Филимонычъ! – сказалъ онъ, увидя лавочника, стоявшаго около саней съ ящикомъ водки.

Лавочникъ считалъ бутылки, передавая ихъ въ лавку мальчику, и отвѣтилъ учтиво и поспѣшно:

- И васъ также! Милости просимъ.

- Постараюсь.

- Николай Нилычъ теперь загордѣлъ, - вдругъ раздался голосъ лавочницы съ крыльца.

Она смотрѣла на Турбина насмѣшливо-пристально. Лавочникъ вдругъ обернулся къ ней съ строгимъ взглядомъ, и по одному этому

взгляду Турбинъ понялъ, что все извѣстно, все... и съ замирающимъ сердцемъ поспѣшилъ скрыться въ избѣ дьячка.

Обѣдъ прошелъ спокойно. Но, когда Турбинъ уже поднялся изъ-за стола, дьячокъ, глядя въ сторону, сказалъ такъ, словно продолжалъ давно начатый разговоръ:

- И совсѣмъ не стоило туда ходить. И батюшка то же говоритъ, и Иванъ Филимонычъ.

Турбина словно ударили по головѣ.

- Куда это? – черезъ силу спросилъ онъ.

- Если, гыртъ, - продолжалъ дьячокъ уныло-невозмутимымъ тономъ, - если, гыртъ, съѣсть-спить, такъ и у меня былъ бы сытъ, не попрекнулъ бы кускомъ... Да и правда: не намъ съ вами бывать у такихъ персонъ!

- Ну, да я... я, о. Алексѣй, кажется, самъ не маленькій...

Дьячокъ только вздохнулъ. Дрожащими руками Турбинъ нашель скобку и хлопнулъ дверью.

- И прекрасно! И прекрасно! – съ злобной радостью похохатывалъ онъ, почти бѣгомъ взбираясь на гору.

// л. 75

XVIII.

- Дома? – раздался въ передней голось Слѣпушкина, какъ только Турбинъ вошелъ къ себѣ и, скинувъ пальто, упалъ на постель.

Павелъ отвѣчалъ что-то торопливымъ шопотомъ.

- Ну, ну, не надо; не буди... Богъ съ нимъ.

Дверь хлопнула, все стихло. Турбинъ лежалъ безъ движенія...

- Поздравляю! – раздался вдругъ крикъ Кондрата Семеныча, со смѣхомъ ввалившася въ комнату. – Ты, говорятъ, чортъ знаетъ какихъ штукъ тамъ натворилъ? Какой это ты танецъ своего изобрѣтенія плясалъ?

- Оставьте, пожалуйста, меня въ покоѣ! – тихо отвѣтилъ Турбинъ.

- Да нѣтъ, какъ же, братъ, - ты, говорятъ, въ дребезги насадился?

Ухмыляясь, Кондратъ Семенычъ присѣлъ на кровать и продолжалъ уже съ искреннимъ участіемъ, обращаясь къ Турбину, какъ къ завѣдомому пьяницѣ:

- Гм, пожалуй, правда, свинство! Ты бы хоть на первый-то разъ подержался немного... Надо сходить извиниться. Еще, пожалуй, съ мѣста попруть...

А черезъ полчаса на столѣ стояла бутылка водки. Турбинъ, уже захмелѣвшій, облокотившись на столъ и положивъ голову на руки, сидѣлъ молча.

- Чортъ знаетъ чтò! – говорилъ Кондратъ Семенычъ, - говорятъ, тебя за крыльцо выкинули?

- Кто это?

- Чтò?

- Говорить-то?

- Слѣпушкинъ.

Турбинъ злорадно захохоталъ.

А Кондратъ Семенычъ съ серьезнымъ лицомъ грустно продолжалъ:

- Онъ, братъ, Линтваревъ-то этотъ, глумился надъ тобой, сукинъ сынъ. Я бы на твоёмъ мѣстѣ ему морду разбилъ. Оплевать, воспользоваться твоей необразованностью! Подло, братъ! Мнѣ тебя отъ души жаль.

Турбинъ вдругъ сморщился, захлюпалъ, хотѣлъ что-то сказать, но захлебнулся слезами и только зубами скрипнулъ.

- Ну, вотъ, опять готовъ! – сказалъ Кондратъ Семенычъ съ сожалѣніемъ. – Тебѣ, братъ, стòить бросить пить.

- Да не пьянъ я! – закричалъ Турбинъ бѣшено, съ красными, полными слезъ глазами, и треснулъ кулакомъ по столу.

// л. 76

XIX.

- Э-эй, держись! – крикнулъ Васька, когда рыженькая троечка что есть духу разнеслась въ темнотѣ подъ гору и толпа ребятъ и дѣвокъ, какъ стадо овецъ, шарахнулась въ сторону.

Взрывъ хохота и криковъ на время покрылъ звонъ колокольчиковъ... Мелькнули огни кабака... Турбина охватило отчаянное чувство смѣлости и веселья.

- Дѣлай! – крикнулъ онъ Васькѣ.

Сани налетѣли на водовозку, сбили ее въ сторону. Около завода какая-то фигура вынырнула изъ темноты и упала на ноги Турбина.

- Митька? Ты? – крикнулъ Кондрать Семенычъ.

- Ребята гнались, - молчи!

И на поворотѣ въ село фигура выпрыгнула изъ саней и опять скрылась въ темнотѣ.

Въ избахъ свѣтились огни, чернѣли кучки народа на улицѣ, шумъ и гамъ покрывали горластыя пѣсни, толкотня, пляска, гармоника. Стономъ стояла и разливалась протяжная «страдальная», ее заглушалъ азартный трепакъ, топотъ ногъ и взвизгиванія...

Сперва попали въ какую-то избу, биткомъ набитую народомъ. Съ непривычки Турбину показалось даже страшно въ ней: такъ было жарко, низко и людно. Шла игра въ «короли». Неиграющіе, ложась другъ къ другу на плечи и почти доставая головами до потолка, покрытаго отъ черной топки словно чернымъ густымъ лакомъ, тѣснились къ столу. За столомъ сидѣли ребята въ разстегнутыхъ полушубкахъ и чистыхъ рубахахъ, дѣвки въ красныхъ ситцахъ, сильно пахнувшихъ краскою. У всѣхъ были сжаты корабликомъ карты въ рукахъ и напряженно-веселы лица. Ребятишки шмыгали по ногамъ, лѣзли изъ сѣнецъ въ избу. «Выстудили избу, окаянные!» - кричала на нихъ хозяйка и громко спрашивала Кондрата Семеныча:

- А это чей же будетъ?

- Свой, тетка! – отвѣтилъ Турбинъ съ хохотомъ и, сѣвши на лавку, не удержался, завалился за сидящихъ и задралъ ноги.

А черезъ минуту онъ былъ опять въ саняхъ.

Кондрать Семенычъ втащилъ въ нихъ какую-то хохочущую солдатку и, стоя, крикнулъ Васькѣ:

- Къ печнику!

- Попала шлея подъ хвостъ! – подхватилъ Турбинъ.

// л. 77

XX.

Отъ посѣщенія печника болѣе всего осталось въ памяти его пѣніе. И самъ печникъ, волосатый, пожилой мужикъ, и жена его, всегда веселая и разбитная баба, больше всего на свѣтѣ любили водку и пѣсни. Гости за посѣщеніе ихъ избы напаявали ихъ, и безпутные супруги бывали очень довольны такими вечерами. И теперь тотчасъ же въ печкѣ запылалъ огонь, зашипѣла и затрещала яичница съ

ветчиной, загудѣла труба на самоварѣ. Запьянѣвшая, раскраснѣвшаяся хозяйка поддувала пламя подѣ таганчикомъ и съ ласковой улыбкой останавливалась, рассматривая Турбина. Затѣмъ начался пирѣ. За каждымъ кускомъ слѣдовала водка; ошалѣвшій Турбинъ не отставалъ отъ другихъ, хотя уже чувствовалъ, что съ великимъ трудомъ слышитъ говоръ и пѣсни вокругъ себя. Пѣсни началъ печникъ. Положивъ голову на руку, онъ что ни есть мочи разливался такимъ неистовымъ крикомъ, что на шеѣ у него вздувались синія жилы.

- Ыщите, что ль, ветчину-то! – кричала хозяйка.

Турбинъ машинально, кусокъ за кускомъ, ѣлъ страшно соленую ветчину, и челюсти у него ломило отъ бесплодныхъ усилій разжевать эти жареные брусочки.

На печника уже не обращалъ никто вниманія. Перебивая его пѣсни, Кондратъ Семенычъ съ Васькой лихо играли на двухъ гармоникахъ «Барыню», а бабы, съ прибаутками, съ серьезными, неподвижными лицами выхаживали другъ передъ другомъ, постукивая каблуками:

Посылала меня мать
Караулить гусака –

вычитывала хозяйка.

Ужъ я ее кнутомъ,
И кнутомъ, и прутомъ –

бойко покрикивала въ отвѣтъ солдатка, то прихлопывая въ ладоши, то упирая руки въ бока.

- Дѣлай! – повторялъ Васька, потрясая гармоникой надъ головою и пускаясь въ самыя отчаянныя варьяціи «Барыни». Въ чаду безпричинной напряженной веселости сознание учителя иногда прояснялось. «Гдѣ это я? Что такое? – спрашивалъ онъ себя, но тотчасъ начиналъ хлопать въ ладоши и въ тактъ «Барыни» стучать сапогами въ полъ.

А за окномъ, которое завѣсили попоной, галдѣлъ народъ, порываясь въ избу. Горькій пьяница, рабочій съ завода «Бу-

// л. 78

бень», огромный худой мужикъ, съ лошадинымъ лицомъ, съ растрепанными пьяными губами, нѣсколько разъ отворялъ дверь.

- Не пускай, ну его къ чорту! – говорилъ Кондратъ Семенычъ.

- Ну, что ты? Кого тебѣ? – спрашивала хозяйка, загораживая порогъ. Улыбаясь и качаясь «Бубень» придерживался за притолку и говорилъ:

- Да чего? Да ничего! Зайти закурить только.

- Никого тутъ нѣтути. Иди.

- Буде, буде толковать-то!

- Тури его въ шею! – кричалъ Кондрать Семенычъ.

У Турбина нестерпимо ломило въ темени отъ жары и водки. Но онъ все еще не отставалъ отъ другихъ и, когда раздались крики, что съ лошадей сняли вожжи и черезсѣдельникъ, онъ даже выскочилъ вмѣстѣ съ Васькой на улицу, готовый на отчаянную драку. На морозѣ водка еще болѣе разобрала его, и съ этого момента воспоминанія его совершенно путаются.

Запомнилъ онъ только то, что долго бродилъ по сѣнцамъ, а когда Кондрать Семенычъ выпихнулъ къ нему какую-то бабу, онъ потащилъ ее на скотный дворъ, и она вырывалась и торопливо шептала:

- Что ты, что ты? Ай подѣялось?.. Ай очумѣль?.. Охъ, батюшки, пусти, пусти-и!.. Тутъ погребница!..

И ошалѣвшій Турбинъ опять съ трудомъ отыскалъ дверь въ избу и очутился въ полномъ мракѣ, и эта темнота, шопоть, возня на соломѣ еще болѣе взбудоражили его кровь. Онъ долго шарилъ по соломѣ трясущимися руками, наткнулся на печника, который сидѣлъ на полу и бормоталъ что-то, повалилъ кочергу... потомъ потерялъ всякое представление о томъ, гдѣ онъ...

Чувствовалъ только во снѣ, что откуда-то по ногамъ несетъ холодомъ. Онъ тщетно пряталъ ихъ подъ соломѣ. Потомъ началась страшная жажда. Все внутри у него горѣло, и онъ чувствовалъ это сквозь сонъ и никакъ не могъ проснуться, и все шепталъ горячечнымъ шопотомъ:

- Пить... Бога ради пить!..

Казалось, что какая-то толпа растетъ вокругъ него, а онъ пляшетъ подъ «Гарантеллу», пляшетъ, пляшетъ безъ конца и вдругъ слышитъ надъ самой своей головой рукоплесканія и крики, отчаянный крикъ. Онъ вскочилъ: пѣтухъ еще разъ крикнулъ на всю избу и затрепыхалъ крыльями.

Холодъ плыль по ногамъ. Еле-еле свѣтало. Въ смутномъ сумракѣ было видно нѣсколько человѣкъ, спящихъ на соломѣ. Шатаясь, Турбинъ началъ шарить по печуркамъ спичекъ; въ печуркахъ были какія-то сырыя теплыя перья; на группѣ лежала деревянная спичечница, но она была пуста. Турбинъ задыхался отъ жажды.

- Бога ради, напиться! – сказалъ онъ громко.

- Охъ, чтобъ тебѣ совсѣмъ! Вотъ напужалъ-то!

Солдатка вскочила и, заспанная, торопливо и неловко стала завязывать юбку и заворачивать подъ платокъ сбитые волосы.

- Пить нѣтъ ли? Душа запеклась!

- Посмотри въ углѣ, въ щербатомъ чугуничкѣ.

Турбинъ съ жадностью припалъ къ чугуничку. Но квасъ былъ такъ кисель и холодень, что Турбина съ первыхъ глотковъ подхватила лихорадка, и, не попадая зубъ на зубъ, онъ бросился по нарамъ, черезъ Кондрата Семеныча, на печку; Кондратъ Семенычъ замычалъ и заскрипѣлъ во снѣ зубами.

Какой-то тяжелый запахъ и тепло охватили Турбина, и онъ заснулъ, какъ убитый. Но и этотъ сонъ продолжался какъ будто мгновение. Затопили печку «по черному», и дымъ, пеленой потянувшійся подъ потолкомъ въ дверь, завѣшенную попоной, сталъ душить Турбина. Онъ зарывалъ голову въ солому и соръ, но ничто не помогало. Тогда онъ свѣсилъ голову съ печки, кое-какъ приладилъ ее къ кирпичамъ и такъ и проспалъ до самыхъ завтраковъ.

Въ завтраки Кондратъ Семенычъ, съ опухшимъ лицомъ, но уже въ спокойномъ, будничномъ настроеніи, сидѣлъ за столомъ противъ печника, похмелялся и, вертя цыгарку, поглядывалъ на сонное лицо Турбина. Оно было какъ мертвое: истомленное, страдальческое и кроткое.

- Вотъ-те и педагогъ! – сказалъ онъ съ сожалѣніемъ. – Пропалъ малый!

- Сирота, небось! – задумчиво произнесъ печникъ.

1894 г.
